

АВГУСТ

Н.К. Рерих. Эскиз для вышивки. 1900-е.

Н. К. Рерих

НЕХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ НАШИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ

Художественные магазины наши продают у себя немало антихудожественного. Продаются там, например, — плохонькие копии с картин слишком сомнительного достоинства; подчас вместе с копиями висят и оригиналы, от которых тоже не легче становится, несмотря на то, что под многими встречаются имена, когда-то небезызвестные в художественном мире, но давно пережившие эту известность. В силу традиций, публика, мало осведомлённая в делах искусства, продолжает, однако, благоговеть перед подобными произведениями и, по инерции, всё ещё покупает их, не обращая внимания на их малое значение. Особенно непривлекательны покупатели, ставящие первым условием приобретения того или иного произведения его размеры: «Хорошенькая вещица, только для меня она, пожалуй, не подойдёт — вот если бы в длину вершка на три побольше». Мне случалось заставить у Дациаро или Аванцо покупателей весьма интеллигентного вида, приехавших на собственных лошадях и без стеснения предъявлявших требования такого сорта, — насколько их внешность далека от внутреннего содержания!

Ищущим рисунков для различных декоративных поделок обыкновенно в художественных магазинах предлагаются сочинения пребезобразные, словно магазин собирался удовлетворять исключительно лавочные потребности.

Между тем, спрос на оригиналы декоративных сочинений теперь, очевидно, увеличивается: везде обращается сугубое внимание на всякие художественные рукоделия (живопись, резьба, выжигание), в женских средне-учебных заведениях этот предмет делается обязательным, — значит, открывается новое, широкое поле для посева правильных художественных понятий в обществе. К сожалению, все эти запросы не находят себе ответа, и часто, когда нападёшь на неудачный выбор рисунка, приходится слышать справедливую отговорку, что ничего лучшего нельзя было найти.

«Сама знаю, что худо, а где лучше взять? Ходила, ходила, смотрела, смотрела, - совсем нет выбора, всё в таком же роде», - оправдывается какая-нибудь трудолюбивая барышня, и садится изображать амуров с колчанами за плечами или букет с таким сочетанием тонов, что хоть дымчатые консервы надевай. (Надо прибавить, что, кроме безобразия, большинство изданий декоративных мотивов поражает ещё несообразною дороговизной у нас: так, напр., издание «Dskoralive Vorbilder», составленное почти сплошь из банальностей, стоит 7 р. 80 коп., а отдельные выпуски по 1 р. 20 коп. - это ведь уже слишком!). Прибегать к самой естественной помощи в исканиях орнаментации — к помощи природы — у нас не принято, точно так же, как мало принято искать мотивы в области древностей. Между тем, если извлечение орнаментов из природы требует значительной подготовительной работы, то памятники старины дают вполне готовый материал (о чём мне приходилось уже говорить в статье «Искусство и археология»). Если не гнаться за шаблоном, то пользоваться этим источником — не трудно и вполне целесообразно.

Ещё недавно, при чтении новой, весьма интересной работы Д. Н. Анучина («К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. Из материалов по археологии восточных губерний, изд. Имп. Моск. Археол. общ.», т. 3, М., 1899), меня невольно остановили на себе иллюстрирующие её древности, по своей непосредственной пригодности к применению для мотивов мебели. Большая часть этих древностей словно была вырезана специально именно с такую целью и могла бы идти в дело без каких бы то ни было изменений. Например, для спиннок к сиденьям или бочку люльки. Приложенные же проекты кресел и стульев являются достаточно ясным тому доказательством: я нарочно набрасывал их почти механически, без всякой компоновки и изменений, да и то они дали интересный звериный стиль, могущий украсить любое помещение, а выделка их не сложна и доступна даже простому плотнику, ибо вряд ли древние чудины располагали большим мастерством, нежели наши костромичи. Помещённый здесь рисунок для резной спинки стула, изображающий многоголового змея с драконьими головами, если бы только не было подписи, что он взят целиком из чудских древностей, — наверное, некоторые лица с удовольствием пристегнули бы к декадентству!

Возвращаясь к художественным магазинам, нельзя не заметить, что одну из доходных статей их составляют, как видно, ничего общего с искусством не имеющие фотографии садовых артисток-кривляк: точно для этой продажи нет более подходящего места, точно и среди художественных принадлежностей непременно надо напоминать об этих наших, вовсе некультурных, проявлениях.

Там же продаются и различные багеты для рамок - характерные выразители шаблона, всосавшегося в плоть и кровь нашей современности; но, по

счастью, теперь, кажется, начинают сознавать, какую важную и нераздельную для картины часть составляет рама, а потому сбыт фабричного багета ограничивается более средою закоренелой буржуазии.

Однако если все эти товары художественных магазинов: плохие копии, пошлые оригиналы, не идущие к делу фотографии, багеты — противны для искусства, то ещё противнее их, в первую голову, так называемые руководства к живописи: что-то дурное в корне, просто какой-то преднамеренный разврат — сказывается в них.

Первоначально я думал, что эти книжки не имеют ровно никакого значения: никто их не покупает, никто в них не заглядывает; но, оказывается, они выходят повторными изданиями, и любители прямо ссылаются на них, как на авторитет. Один товарищ рассказывал мне, как его ученик достал себе подобное руководство и заявил ему, что стоит лишь запомнить рекомендованные в книге сочетания тонов, а писать вовсе нетрудно! Странные советы преподают эти руководства. Одно, например, советует заучить известные общие эффекты, (оставить себе грамматику эффектов. Другое (одно из самых распространенных изд. в 1896 г.) восстаёт против такого шаблона, против манерности, и совершенно справедливо замечает, что «манерность приводит к односторонности вычурности в ущерб верности природе». Затем оно же пытается сказать ещё нечто глубокомысленное: «За последнее время мы замечаем новое движение, зародившееся во Франции и оттуда перенесённое в Бельгию и Италию. Движение это — погоня за новизной, приведшая к самым нежелательным странностям, особенно в ландшафте. Причудливый колорит, зелёный воздух, голубая растительность и прочие нелепости, не внёсшие с собой ни силы, ни глубины, — вот последствия этого нового направления. В Германии, особенно в Мюнхене, это направление, совершенно пренебрегающее колоритом, дошло в своих курьёзных странностях до полного неразумия».

Покончив таким образом с новым направлением, руководство начинает уже руководить, предлагая:

«Солнце можно писать, смотря по обстоятельствам, — неаполитанской жёлтой с белилами и немного киновари».

«Облака вообще пишут чёрной и белой с красной и синей. Для блестящих тонов берут киноварь, для сумрачных — индийскую красную».

«Облака в ландшафте, освещённом луной, требуют: чёрную с ультра-марином или кобальтом; чёрную с флорентийской коричневой и кобальтом, также с madderbraun и индиго».

«Луна: светлая охра с белилами» (и коротко, и ясно!).

«Для сероватой воды: ауреолин с синей и madderbraun или пурпурным крапом; кобальт с madderbraun и сиеной, чёрная и белила и др.»

«Для скота светлого цвета служат преимущественно: жёлтая охра, одна пли с жжёной сиеной, с жжёной светлой охрой, с киноварью и др. Специально для овец и коз: жжёная охра, золотистая охра, одна или с вандиком коричневым, потом умбра (все краски с более или менее значительной примесью белил)».

«Для мужских одежд мы рекомендуем преимущественно брать тёмные краски, для женских и детских — яркие».

«Чтобы придать эскизу более законченный вид, например, в эскизе отдельно стоящих деревьев, на заднем плане помещают как бы в тумане исчезающий лес, который набрасывается несколькими мазками серо-фиолетового

тона или сгущённого тона неба. Впечатление получается чрезвычайно благоприятное».

Рецепты в том же духе продолжают на 200 страницах, словно обнаруживая неистощимый юмор автора. Если только они изданы не для шутки, то, очевидно, необходимо принять против них какие-нибудь (разумеется, не полицейские) меры, как против всяких непристойных изданий.

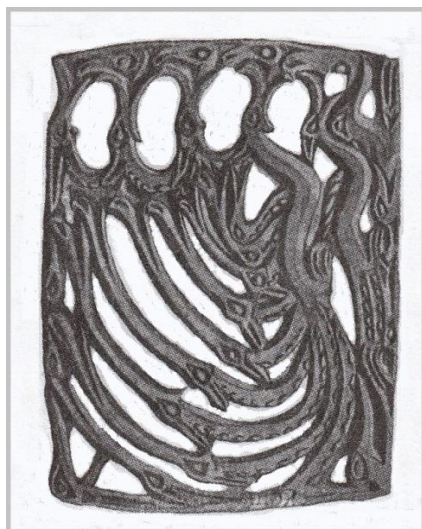
Искусство и художественная промышленность. 1899. Август. № 11 С. 914-918.

Н.К. Рерих. Проекты мебели на основе образцов пермского звериного стиля. 1899.
Рисунок.

Н.К. Рерих. Проекты элементов мебели. Пермский звериный стиль. 1899.

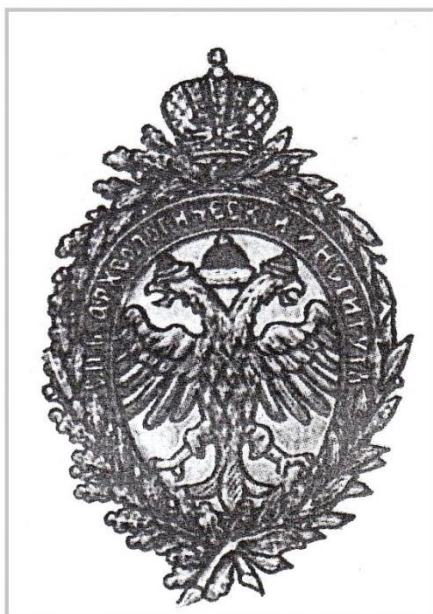
Н.К. Рерих. Рисунок для резной спинки стула. 1899.

29 августа 1899 г.

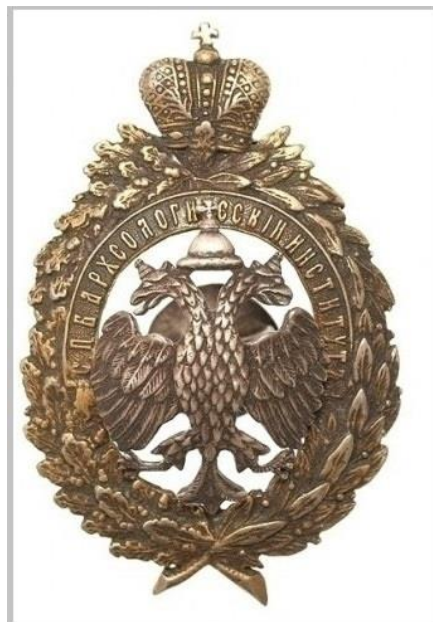
НАГРУДНЫЙ ЗНАК ДЛЯ АРХЕОЛОГОВ

Профессора архитектуры г. Парланд, А.Н. Привалов и художник Н.К. Рерих представили в Археологический институт проекты нагрудного знака, право на ношение которого предоставлено членам института по новому уставу.

Россия. 1899. 29 августа / 10 сентября. № 123.

Проект нагрудного знака.

Нагрудный знак для археологов

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1899 г.

«В СОВЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА».

Преподавателя Санкт-Петербургского Археологического Института, художника Николая Константиновича Рериха

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Многочисленные экскурсии, предпринимавшиеся Археологическим Институтом с целью практического ознакомления слушателей Института с делом раскопки, достаточно ясно доказали несомненный интерес к ним в среде слушателей и членов Института, так что в прошлом году число участников такой поездки достигло до 43 - цифры для дела, потребовавшего целого дня, весьма крупной. Раскопки Института, производимые до сих пор лишь с целью практики, будут ещё привлекательнее, если в основу их будет положена известная система, так что, удовлетворяя практической задаче, они внесут вклад в успехи археологии.

Район Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской губерний, областей наиболее близких археологическим учреждениям столицы, в настоящее время представляет благодарную почву для небольших археологических задач. Санкт-Петербургская губерния ещё не имеет своей археологической карты, а между тем целый ряд изысканий Ивановского, Бранденбурга, Шмидта, Мальмгрена, Раевской, мои и других уже настолько выработал общую картину курганных и прочих древностей Водской пятины, что необходимо только несколько небольших раскопок и проверок и Археологическому Институту сделается вполне достижимо составление археологической карты Санкт-Петербургской губернии, то есть восполнение весьма важного пробела местной археологии. 200-300 рублей, из ассигнованных на практические занятия, были бы достаточными для ежегодных затрат.

Последующими задачами могут быть выяснение древностей Ижоры, Води, Веси (при Белом озере) и Олонецкой губернии - всё это даст многолетний и богатый материал для работ Института.

Частными руководителями отдельных групп могут быть господа члены Института, на любезное содействие которых, полагаю, можно смело рассчитывать. Подобная работа даст возможность слушателям и членам Института не только ознакомиться с практикой самой раскопки, но также и с практикой разведок, являющихся столь важной частью всякой археологической работы.

Желание участвовать в прошлогодней экскурсии, выраженное мне многими не причастными Институту лицами, даёт повод предполагать, что допущение сторонних участников в раскопках будет небесполезно для археологии.

Если бы настоящее предположение встретило сочувствие, то я, с удовольствием, предоставлю на окончательное разрешение посредством работ Института несколько задач, занимавших меня последнее время при разработке древностей Санкт-Петербургской губернии. Выяснив весною число участников поездок, можно составить план задачи, распределение групп и ближайшие маршруты.

Художник Н.Рерих.

Дня 2 сентября 1899 года».

Машинопись, автограф. ЦГИА СПб., ф. 119, оп. 1, д. 80, л. 33 и 33 об.

7 сентября 1899 г.

Письмо Герцога Н. Н. Лейхтенбергского к великому князю Константину Константиновичу

Усадьба Горы. Новгородская губ. 7 сентября 1899.

Обращаюсь к Вашему Императорскому Высочеству, как Президенту Академии Наук.

Недалеко от моей усадьбы, на крестьянской земле, имеется интересный курган. По местным преданиям здесь в древние времена находился монастырь, который "во время литвы" взят неприятелем и разграблен. Около этого монастыря, которого я тщетно искал следы, в густом кустарнике и находится курган.

Насколько я понимаю, в этом случае мы имеем дело с древнейшим курганом, чуть не языческого периода; действительно весь курган покрыт был гранитными плитами, из которых многие видны над поверхностью земли, а кругом были врыты остроконечные плиты в виде венца или ограды. Эти остроконечные плиты и заставляют меня предполагать, что курган из древнейших.

Может быть, Ваше Императорское Высочество, найдёте возможным сообщить о кургане кому-нибудь из специалистов по раскопкам; и если найдётся охотник исследовать курган, то прошу его ехать прямо ко мне. Всё нужное для работ - рабочих, лошадей, инструменты и т. д. - я могу представить в распоряжение исследователя. Прошу только дать мне телеграмму накануне выезда (Окуловка, Герцогу Лейхтенбергскому). Ехать же следует до станции Окуловки, Николаевской железной дороги; я просил бы также лицо, желающее взяться за это дело, приехать не позже 15 сентября или после 10 октября.

Вашего Императорского Высочества покорнейший слуга,

Поручик Герцог Лейхтенбергский

---

19 сентября 1899 г.

Из дневника Н. К. Рериха:

19 Сент. 99 г. Стасов передал мне сведения о керченской катакомбе и о подвалах Черниговского собора; говорит, если не доживу, то завещаю вам эти дела, у вас есть преданность и любовь. У него был Боткин и жаловался на меня, что, де, молодые люди соскочат со школьной скамьи и критикуют таких почтенных людей, как он и Соловьев. Хотят, де, выслужиться и угодить кому-то. Интересно, перед кем я могу выслужиться, когда кроме врагов никого моими писаниями о Софии не приобретаю. Как это люди всё на свой подленький аршин меряют. Если бы не Архип, не к кому бы и обратиться за добрым словом.

Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44/13. 6 л.